

СЕКЦИЯ № 3 ИСТОРИЯ РОССИИ И СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ НАЧАЛА XX В. О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПАВЛА I

Кашинская О.А. (г. Москва, Россия)

Внутренняя и внешняя политика Павла I, как и сама личность императора, всегда получала противоречивые оценки историографов. Закономерно проводилось сравнение с предшествующей политикой Екатерины II, играли значительную роль противоречащие друг другу свидетельства современников, существенное влияние на интерпретацию оказывали социокультурные и политические условия, в которых работали сами историки.

Начало XX в. – сложный период в истории российской историографии. С одной стороны, в это время в научный оборот вводится большое количество новых источников: личных архивов, переписка и т.д. С другой стороны, экстраординарные события российской истории прямо влияют на ценностные установки и историографические концепции исследователей. Историки XIX века ищут основания и историографические аналогии для подтверждения сближения и единения монарха с дворянством, исчезают или затушевываются упоминания о поворотах политики, прежде трактованных как неоправданные либо неадекватные.

Иначе относились к Павлу Петровичу историки периода XIX-начала XX века, прежде всего В.О. Ключевский. В 1883–1884 гг. он прочел курс лекций по русской истории, охвативший период с древнейших времен до XIX века включительно, в котором смог дать новую трактовку и личности Павла и его правлению. Прежде всего, В. О. Ключевский, вписав царствование Павла I в контекст русской истории, отметим, что это будет сделано впервые. Он полагает, что деятельность Павла Петровича есть реакция на просвещенный абсолютизм Екатерины II, в конце концов, поставивший империю в труднейшие условия, таким образом, тезис историков XIX века по историографии об отсутствии каких-либо традиций в павловских начинаниях будет решительно отброшен. Деятельность императора Павла I, по Ключевскому, представляет, с одной стороны, протест против предыдущего царствования, а с другой, – всего лишь неудачную попытку решить насущные задачи, вставшие перед Россией конца XVIII века: при этом отрицается, какая бы то ни была программа реформ [1].

Не отказывается историк и от анализа личностных качеств Павла, высказав предположение о «безобразно исковерканном» характере государя с указанием причин этого несчастного явления В. О. Ключевский предполагает душевную болезнь Павла, объясняя ее, «не столько политическим, сколько патологическим характером его деятельности». Конечный вывод: Павел есть «царь-деспот», время же его есть «царство страха» [1]

Иначе говоря, оценки В.О. Ключевского качественно иные, чем у историков XIX века. Другими словами он предлагает новую концепцию и эпохи Павла, и его личности. Тем самым, отказ от традиций историографии XIX века произойдет не случайно. В.О. Ключевский использовал как вспомогательный источник для характеристики Павла вопиющее несоответствие мемуарных свидетельств современников павловского правления построениям и выводам историков XIX века, и продолжавшуюся публикацию мемуаров.

Например, он писал: «... Он не лишен был дарований, все знавшие его в то время отлично отзывались о его нравственных качествах; у него было природное чувство порядка и дисциплины, он вынес довольно хорошие и разнообразные сведения, но они были беспорядочны... Притом это был очень набожный человек; в Гатчине потом указывали на место, где он молился по ночам: здесь был выбит паркет...» [1].

Характеризует политику Павла I, Ключевский подчеркивал: «...В ней мы не встречаем коренных перемен: государственный и общественный порядок остается на прежних основаниях, действуют прежние отношения, но из-под этих старых основ и отношений начинают пробиваться новые стремления или, по крайней мере, новые потребности, которые готовят переход государственного порядка на новые основания. Эти новые идеи, или стремления, обнаруживаются как во внешней политике государства, так и в его внутренней жизни. Во внешней политике в продолжение первой половины истекшего века продолжается и завершается старое дело территориального и национального объединения русской земли» [1].

В другом месте историк пришел к выводу: «Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи. Я не разделяю довольно обычного пренебрежения к значению этого кратковременного царствования; напрасно считают его каким-то случайным эпизодом нашей истории, печальным капризом недоброжелательной к нам судьбы, не имеющим внутренней связи с

предшествующим временем и ничего не давшим дальнейшему: нет, это царствование органически связано как протест – с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников – с будущим...» [1].

Таким образом, оценки В. О. Ключевским личности и царствования Павла I оказывают огромное влияние на развитие историографии проблемы.

Осмыслить историю павловского царствования и личность Павла I с новых методологических позиций постарался М. Н. Покровский в ряде своих работ.

М. Н. Покровский трактует павловское царствование не как своеобразный «вывих» русской истории, некий переход от эпохи Екатерины к эпохе Александра, а как явление, имевшее самостоятельную ценность. Он настаивает на закономерности попыток русского абсолютизма в условиях начавшегося разложения крепостнического хозяйства и войн с Францией изменить методы внутренней политики в сторону ужесточения.

Политика Павла I, таким образом, преследовала те же цели, что и политика его матери, его сыновей, и в этом смысле «оригинального мало было в павловском царствовании». Историк постоянно подчеркивает «наследственность ... социальную, от Потемкина и Зубова» [4, с. 168].

Если В. О. Ключевский сумел вписать эпоху Павла в русскую историю, то его ученик первым доказывает преемственность политики Павла Петровича, а также огромное влияние его личности и его акций на сыновей, Александра и Николая. М. Н. Покровский настаивает на насущной необходимости, для российского абсолютизма в конце XVIII века править методами «железной лозы».

Другими словами, Покровский не находит оснований для выделения личности Павла на общем фоне царствующих особ дома Романовых. Напротив, он характеризует его как типичного представителя правящей династии. Характеризуя личность Павла, Покровский называет его «прирожденным полицмейстером», отмечает его мундиромание и парадоманию, причем в отличие от историков XIX – начала XX века не видит в этом чего-то нового, особенного, появившегося лишь в павловское царствование. Историк писал, что «центральной фигурой всех толков были не "министры", надежные или нет, ею был все тот же Павел Петрович, имя которого с уст не сходило у всех "болтунов" без исключения. Эту фигуру было не так легко убрать. И пока на это не решались, оставалось терроризировать сторонников Павла, назначая за "детские шалости" такие кары, что впору хоть очень зрелым людям» [3]

Своеобразно решает Покровский вопрос о душевной болезни Павла Петровича. Признавая «ненормальную психику» императора, он отказывается считать его деяния «бредовой идеей». Более того, Покровский полагает, что историку даже не очень интересно знать, наверное, был Павел Петрович безумцем, поскольку его болезнь мало влияет на его политику. Покровский, разбирая времена Павла, привлекает, как и его предшественники, широкий комплекс мемуарной литературы, он первым из историков сумел серьезно подняться над мемуарным источником, т.е. подошел критически к сообщениям современников, пытаясь объяснить предвзятость по отношению к Павлу того или иного мемуариста [3].

По мнению историка, «выдающийся интерес представляют донесения иностранных дипломатов из Петербурга зимой 1773/74 года: известия об успехах пугачевщины систематически переплетаются в них с новостями о несогласиях в царской семье; то Павел, рассказывают, сделал матери сильную сцену, обвиняя своего обер-гофмаршала, Салтыкова, в постоянном шпионстве за ним, Павлом; то Екатерина требует сына к ответу по поводу какой-то неосторожно подписанной им бумаги, попавшей в руки уже действительного екатерининского шпиона, причем английский посланник "из, безусловно, авторитетного источника" располагает сведениями, что речь шла не более ни менее, как о том, чтобы заставить императрицу поделиться властью с Павлом. Все это – сплетни, но для психологии тех, кто руководил борьбой с пугачевщиной, они не менее характерны, нежели уверенность того же английского посланника в том, что движениями пугачевской армии руководят трое сосланных гвардейских офицеров» [4]

Нельзя не упомянуть здесь и высказывания о дворцовом перевороте 1801 года, которое приводит Покровский, беря это у мемуариста Саблукова: «В промежутке между 1801 и 1825 годами мы не встречаем ни на минуту полной паузы: в течение всего этого промежутка "общественное движение" ориентируется все в одном и том же направлении. Немудрено, что связь между событиями этих двух годов улавливали уже современники, хотя не менее естественно, что современников больше поражало внешнее сходство: внутренняя связь была для них менее заметна. Рассказав об ужине, предшествовавшем экспедиции гвардейских офицеров в Михайловский дворец в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, один современник прибавляет: "Говорят, что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибилов, прекрасный офицер, находившийся в родстве со всею знатью, будто бы высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла, что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше было бы отделаться от них всех сразу..."» [3].

Итак, в начале XX в. историография, рассматривая внешнюю и внутреннюю политику Павла I, во многом возвращается к историографической традиции, заданной еще в начале XIX в. Н.М. Карамзиным в «Записке о древней и новой России». В это время наиболее актуальным для историографов стало стремление найти и обосновать внутренние, кажущиеся объективными, социальные и экономические мотивы изменений во внешней и внутренней политике самодержавия как исторического феномена.

Таким образом, автор статьи демонстрирует как «кочуют» мнения о Павле I и его политике от одного исследователя к другому, но у Покровского «прослеживается программа» изучения личности и политики Павла I, он затрагивает проблему изучения заговоров 1801 и 1825 годов.

Их, однако же, не принято сопоставлять, и это опять правильно, потому что этой стороной дело далеко не исчерпывалось, и не в ней было главное. Идеология некоторых декабристов могла очень напоминать идеологию Григория Орлова – их психика будет совсем иная, и это новое настроение даст нам право резкой чертой отделить первых русских революционеров от устроителей дворцовых переворотов предшествовавшего столетия. И вот эта новая психология дает себя чувствовать уже около 1801 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1904. Лекция 82 – [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=7814&chapter=451299. – Дата доступа: 12.06.2019.
2. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / При участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М., 1899. Т. 2. Глава XI – [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pokrowskij_m_n/text_1899_rus_istoria-2.shtml– Дата доступа: 12.06.2019.
3. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / При участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М., 1914. Т. 4. 336 с.

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Кононова Е.Н., Глушинская И.А. (г. Псков, Россия)

Институт отечественной государственной службы прошёл достаточно сложный и долгий путь становления и развития. Законы Российской империи ставили гражданскую государственную службу в особое привилегированное положение по отношению к обществу. Правовое положение (статус) государственных служащих гражданского ведомства в Российской империи XIX – начала XX века представляло собой упорядоченную совокупность не только публичных прав, обязанностей, гарантий и поощрений, но и достаточно серьезную систему ограничений и запретов.

Система правовых ограничений государственных служащих начала складываться при Петре I. Основная их группа была направлена на выработку трудовой дисциплины чиновников (разговоры только по службе, ведение дел только в коллегиях). Ограничения, связанные с имущественными и неимущественными выгодами чиновника, в петровском законодательстве не прослеживались.

Только в начале XIX в. группа имущественных ограничений нашла отражение в законодательных актах. Так, в 1804 г. чиновникам запрещено было вступать в откупа по тем ведомствам, в которых они служили. С 1806 г. им запрещалось записываться в гильдии. 15 мая 1822 г. вышел указ, которым предписывалось министру юстиции «иметь строгое наблюдение за тем, чтобы вольноотпущенные, вышедшие в классные чины и считающиеся в службе, не были употребляемы в службу в домах господских».

По задумке законодателя, правовые ограничения были направлены в первую очередь на недопущение использования чиновником служебного положения в личных, корыстных целях. Примером такого ограничения может служить то, что государственным чиновникам административных учреждений было категорически запрещено приобретать имущество, если продажа этого имущества поручена им по службе. Чиновники, уличенные в служебном проступке, связанном с продажей имущества от лица государства и купившие его сами могли быть лишены дворянства (если таковыми являлись), лишались чина и отправлялись рядовыми в войска. Таким образом, пресекались попытки использования служебного положения в корыстных целях [3, с.196].

Императором Николаем I в 1836 году, был издан Указ, по которому чиновникам запрещалось одновременно занимать две или более должности с получением по ним окладов, если эти должности были зависимы или в подчинении одна от другой [1, с. 168].

Впоследствии такое ограничение стало касаться только высших государственных чиновников. Этот указ продолжал действовать до 1917 года. Очевидно, что подобная правовая позиция законодателей заслуживает положительной оценки. В настоящее время данный запрет нашёл свою интерпретацию в нормах Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Следующим шагом в регламентации ограничений государственных служащих стало издание «Свода Уставов о службе гражданской». В нем ограничения государственных служащих содержались в третьем разделе «Об общих правах и обязанностях гражданской службы». По сравнению с законодательством предыдущих лет для Устава о службе характерен более высокий уровень систематизации. Все ограничения общего плана вынесены в отдельную главу. Наличие правоограничений специальных родов службы говорит о том, что законодатель четко представлял себе, какие злоупотребления возможны в рамках той или иной должности, и поэтому